

Афине и Изиде посвящается

Благодарности

Идея написания этой книги зародилась самым непримечательным и неожиданным образом, так что я вынужден сразу же сделать необычное признание в том, что я изначально вообще не собирался когда-либо ее писать. Такое первоначальное отсутствие намерений с моей стороны никоим образом не следует объяснять недостаточной заинтересованностью. Напротив, я впервые познакомился с этой темой — историей первых контактов между жителями Восточной Азии, представленными в архетипическом понимании китайцами, и столь непохожими на них различными народами Африки — десятилетия назад, еще обучаясь в университете, и сразу увлекся ею. Однако, несмотря на горячий интерес, соответствующее стремление к тому, чтобы поделиться своим пониманием предмета хоть в какой-то мере, все время оставалось значительно более скромным; учитывая нынешний результат в виде этой книги, будет справедливо задать вопрос *почему*.

Присутствие в традиционном Китае народов с цветом кожи, который принято называть черным, является фактом, который и на Западе, и в Китае вряд ли когда-либо получит широкое признание или беспрепятственное одобрение. Но все же ученые и раньше не обходили его вниманием и занимались его изучением. Действительно, китаисты, занимающиеся исследованием таких стандартных дисциплин, как традиционная литература и история, давно знают о связи между китайцами и чернокожими, пусть даже далекой и не до конца понятной. По крайней мере отчасти моя неуверенность в том, что следует решительно ухватиться за эту возможность, проистекала из того, что я прекрасно знал заранее, что любые мои исследования не будут первыми в данной

области. Есть несколько давних, но все еще незаменимых работ об опыте кросс-культурных отношений в досовременный период истории между незначительной горсткой чернокожих — трактуемых в самом широком смысле — и слугами в императорском Китае. Мое осознание этого факта даже сейчас заставляет относиться к своим возможностям со смирением, именно оно побудило меня свести свои усилия здесь написанием в первую очередь интегрированного эссе в самом строгом и первоначальном смысле этого слова, — то есть ограничиться письменной «попыткой», развернутым разъяснением, составленным для того, чтобы сообщить что-то новое, но ни в коем случае не такое, в котором я бы осмелился представить что-то категорически новое.

Как ни странно, это же самое осознание значительности, но немногочисленности научных трудов, существующих на сегодняшний день до моего собственного, также послужило серьезным катализатором. Результаты этой уже проделанной научной работы в основном можно найти только в специализированных профессиональных журналах, и обычно они не длиннее статьи. Многие из них почти так же рассредоточены и обрывочны, как и ненадежные первичные источники, на которых они основываются, а некоторые существуют только на китайском языке, так как никогда не переводились. Иначе говоря, странным и самым нелогичным образом, из ряда условий, которые изначально только отпугивали меня, я все больше черпал мотивацию и тем самым выработал непреходящее убеждение, что лучшим способом воздать должное и признать заслуги этих ценных материалов будет собрать вместе высказанные в них разнообразные идеи. Я бы взял и объединил в едином информационном целом из одного источника данные, скажем, о географических представлениях китайцев об Африканском континенте, а из другого — о традиционных формах китайского рабовладения.

Тем не менее, преодолев свою первоначальную неуверенность, пусть и не полностью, и предварительно изучив, — или хотя бы приступив к изучению, — наиболее показательные научные работы, имеющиеся на данный момент, эта возможность извлечь и пересказать в обобщенном виде историю первых контактов

между китайцами и различными чернокожими неожиданно стала для меня поворотным моментом. Должен признаться, что я испытал нечто вроде интеллектуального просветления. То, что началось для меня как обыденная и даже заурядная попытка собрать воедино и упорядочить все известные данные, чтобы в лучшем случае переформулировать малоизвестный, но достоверный факт, постепенно превратилось в увлекательное предприятие, соблазнявшее перспективой множества новых открытий. С каждым шагом вглубь исследования, с каждым из многочисленных слоев плотных напластований, которые мне удавалось преодолеть и расчистить, чернокожие досовременного Китая становились все более заметными и различимыми — пусть даже исключительно через их китайских наблюдателей — на протяжении нескольких столетий их скрытой от чужих глаз истории. Прогресс в этом направлении был то скачкообразным, то поступательным. Однако мой интерес не только стал глубже благодаря ему, но и ускорился, примерно так же, как биение пульса и шаги неизбежно учащаются с ростом волнения в преддверии по-настоящему нового, значимого и подтверждающего догадку открытия.

Излишне говорить, что в итоге исследование вышло совсем не таким, как я его изначально задумал, и, хотя по любым оценкам эта книга далеко не первая публикация, излагающая данный материал, она, тем не менее, насколько мне известно, является первой в своем роде, посвященной исключительно этой провокационной теме и ничему другому. Кроме того, она первая полноценно обобщает предыдущие находки и представляет их вместе с новыми в манере настолько сжатой, насколько это возможно для объединенной аудитории из широкого круга западных читателей и специализирующихся в данной области восточноазиатских — в частности, китаеязычных — читателей. Насколько представленная стратегия успешна, настолько она на самом деле рискованнее всех, что были до нее, поскольку раньше информация доносилась до узкого профессионального круга специалистов, и ни разу целевой аудиторией для восприятия изложенных здесь идей не становилось намного более многочисленное сообщество разносторонне заинтересованной публики.

Однако, даже ввиду того что эта работа представляет собой отправную точку для дальнейших исследований, она, несомненно, также вносит вклад в уже существующий научный континуум. Реализовав свое амбициозное желание тоже быть «первым», я должным образом выражаю свою признательность многочисленным первопроходцам, заложившим фундамент этой новой научной области, и совсем не последним из моих мотивов было стремление познакомить новых читателей с их давними, но бесценными прозрениями. Безусловно, среди этих людей, заслуживающих благодарности, следует обязательно упомянуть ряд ныне покойных титанов азиатских и компаративистских исследований, а именно: Уильяма Вудвила Рокхилла, Фридриха Хирта, Поля Пеллио, Чжан Синлана, Яна Юлиуас Лодевейка Дёйвендака, Эдварда Хетцеля Шефера, Жунбана Ло, Чарльза Оскара Хакера, Энгьюса Чарльза Грэма, Кларенса Мартина Уилбура, Уильяма Арманда Лессу, Чарльза Ральфа Боксера, Дональда Фредерика Лаха, Клиффорда Гирца и Эдварда Дрейера.

Мои многочисленные современники и специалисты из самых разных дисциплинарных областей также неизмеримо помогли мне продвинуться в моих изысканиях о самых первых взаимодействиях между китайцами и чернокожими среди них. Мне оказались очень полезны наш обильный и плодотворный обмен письмами и бесчисленные личные встречи. Занимая разное положение как внутри, так и за пределами академической среды, своими вдохновляющими вопросами и уточняющими наблюдениями эти коллеги внесли неизмеримый вклад, который невозможно преуменьшить, в то, что эта книга была задумана и написана. Я хочу сказать спасибо прежде всего за то, как их различные и иногда сталкивающиеся интересы и принципы заставили меня подойти к проекту с более междисциплинарных позиций, чем я собирался изначально. Поэтому хочу высказать свою искреннюю признательность Марку Абрамсону, Джеймсу Экстеллу, Сьюзанн Уилсон Барнетт, Цви Бен-Дор Бениту, Эллисону Блейкли, Эми Брауэр, Винсенту Каретте, Джону Чаффи, Кэрол Кунихэн, Дэвиду Брайону Дэвису, Хильд де Вердт, Фрэнку Дикоттеру, Эдварду Дрейеру, Мэрис Джиллетт, Чэду Хэнсону, Дереку Хенгу,

Т. Д. Хинрикс, Суфэн Лай, Денис Пэтри Лейди, Джонатану Липману, Колину Маккензи, Томасу Мэсси, Шерри Моу, Су Фанг Ын, Джоанне Рэнсмейер, Кэрри Рид, Рональду К. Ричардсону, Валиду Салеху, Энджеле Шоттенхаммер, Шибе Йошинобу, Джонатану Спенсу, Рие Штейн, Эмме Джинхуа Тэнг, Линде Уолтон, Тун Сюю, Робину Йейтсу и особенно Виктору Мейеру, без чьей постоянной и дружеской поддержки никогда бы ничего не получилось. Также была неоценима помощь Ян Цзюэ и Джека Кунео при подготовке иллюстраций.

Более того, без финансовых вложений со стороны учреждений, а также отдельных лиц полноценное функционирование современной науки невозможно. Соответственно, я выражаю свою благодарность за щедрую финансовую и инфраструктурную поддержку, оказанную моим родным Мидлбери Колледжем, и за всестороннюю помощь, оказанную от замысла до публикации всеми сотрудниками Издательства Университета Пенсильвании, особенно Крису Ху. Также до бесконечности я готов благодарить Питера Эгри. Без его уверенности и неподдельного интереса к данному предприятию — то есть его способности предвидеть потенциальный интерес читателей к короткой и доступной работе на тему, столь с виду малопонятную и даже экзотическую, как эта, — все сошло бы на нет еще до его начала. Таким образом, с искренней признательностью за обилие советов и помощь, которые я получил во всех этих формах и из множества источников, у меня нет иного выбора, кроме как принять на себя полную ответственность за все недостатки данного сочинения.

Введение

В период почти 300-летнего правления знаменитой китайской династии Тан (618–907) 684 год примечателен преимущественно двумя, как известно, связанными событиями. Во второй месяц этого года знаменитая У Чжао, императрица У (У-хоу) (около 625–705), предприняла первые шаги к тому, чтобы стать единственной женщиной, претендовавшей на титул императора Срединной Империи за более чем четыре тысячелетия ее истории [Guisso 1979: 290–291]. Почти с самого начала захвату власти сопротивлялись не только законные члены императорской семьи, но и попавший в опалу представитель военной аристократии Ли, или, как его иногда называли в исторических сочинениях, Сю Цзинъе (умер в 685 году). На девятый месяц, объявив о намерениях, действительных или вымышленных, вернуть власть законному императору, Ли Цзинъе поднял первое за более чем шесть десятилетий восстание на территории страны против правительства [Fitzgerald 1968: 96–97]¹.

Эти два разных, но связанных между собой события 684 года предшествовали массовому кровопролитию невероятных масштабов. Из-за жестоких гендерных предрассудков, препятствовавших утверждению ее власти на политической арене, императрица У могла утвердить и упрочить свое главенствующее положение только чередой отравлений и убийств, которые начались с 684 года и продолжались уже после ее вступления на императорский трон в 690 году. Постепенно присваивая все больше и больше полномочий, У Чжао стала первой и единственной в Китае женщиной-императором и следующие два десятилетия,

¹ См. также [Guisso 1979: 294–296; Rothschild 2007: 88–89].

как и по крайней мере одно десятилетие до этого, предавала смерти всех, кто в действительности или в воображении представлял угрозу ее власти, в том числе многочисленных представителей законной императорской династии [Ibid.: 113–128]. Диктатура же Ли Цзинъе, напротив, длилась намного меньше. Он поднял мятеж в основном потому, что ощущал, что его честь запятнана, а аристократические привилегии ущемлены. Направив свои неожиданно разросшиеся до 100 тысяч войска в бой, он принес своим восстанием смерть многим тысячам. У Чжао выставила против повстанцев Ли Цзинъе собственную 300-тысячную армию. Сам Ли, однако, не дожил до того, чтобы увидеть полный разгром в разгоревшейся по его вине войне, поскольку преждевременно нашел свой конец от руки предателя из своих же подчиненных, который обезглавил его, пожелав получить награду за его поражение и, открестившись от него, спасти собственную жизнь. Затем, что было обычным воздаянием в те времена за бунт против короны, все выжившие члены семьи Цзинъе были истреблены до последнего человека, а их могилы осквернены и уничтожены [Guisso 1979: 297]².

За незначительными исключениями большинство ученых в последствии считали захват власти императрицей и восстание изменника двумя бесспорно самыми примечательными событиями 684 года. Это была совершенно понятная оценка, учитывая, что каждое из них вызвало последствия, разошедшиеся, как волны от сейсмического толчка, и глубоко повлиявшие почти на все стороны будущей судьбы империи Тан, которой оставалось существовать еще два с половиной столетия. Однако было еще одно насильственное действие — менее значительное, но вовсе не прошедшее незаметным, — которое произошло в том же судьбоносном 684 году. Случившись в те несколько месяцев, что разделяли ранее упоминавшиеся выдающиеся события, эта ситуация представляла собой насильственные действия гораздо меньшего уровня, чем любое из обсуждавшихся выше происшествий 684 года до и после нее, поэтому по вполне понятным

² См. также [Rothschild 2007: 88–89].

причинам обычно не привлекает того внимания, которое сопоставимо с ее значением. Однако мы едва ли можем преувеличить необыкновенную природу этого события, а его последствия повлияли на предмет данного исследования не менее, чем, как принято считать, каждое из двух других на любое исследование о политике и институтах периода империи Тан. Событие, о котором идет речь, представляет собой грязное и неприглядное убийство государственного чиновника Лу Юаньжуя, которого в седьмой месяц 684 года, когда он находился в должности губернатора отдаленного и не очень тесно связанного со столицей южно-китайского портового города Гуанчжоу, известного позже также как Кантон, постигла жестокая смерть³.

Куньлунцы: появление и эволюция термина

Если судить по нормам нашей культуры и нашего времени, многие сойдутся на том, что Лу Юаньжуй не так уж и не заслуживал выпавшей на его долю судьбы. Он был ничтожным человеком и жадным чиновником, но не настолько, чтобы привлечь к себе отдельное внимание в авторитетных источниках, несмотря на сравнительно высокое положение, которое он занимал. Так что мы впервые узнаём о нем только из сохранившегося краткого описания его смерти — и ничего больше, — которое вошло в официально заказанную биографию его преемника на посту губернатора. Тем не менее в глазах явного большинства его соотечественников недостатки Лу как государственного служащего и как человека вряд ли заслуживали того, что с ним произошло, поскольку из единственной невзрачной записи о его судьбе в «Цзю Тан шу» («Старая история Тан») мы узнаём следующее: «Территория Гуанчжоу граничит с Южным морем. Каждый год

³ По ряду причин, которые будут приведены далее, некоторые авторы, в том числе даже главный современный специалист по китайской диаспоре Ван Гунву, придавали особое значение этому как будто бы незначительному событию. См., как оно представлено, например, в [Шефер 1981: 31]. О смерти Лу Юаньжуя говорится в биографии намного более известного Ван Фандина (умер в 702 году).

куньлуньские купцы приплывают на [своих] кораблях, нагруженных ценными товарами, чтобы торговать с китайцами. Предыдущий правитель пытался обманом лишить их товара, один из *куньлуньцев*, спрятав нож, выступил вперед и убил его» [Цзю Тан шу 1979: 89.2897]⁴. Нападавший не ограничился тем, чтобы прирезать Лу Юаньжуя на месте. Размахивая ножом, или ножами (по китайскому источнику это непонятно), он также, что должно было быть ужасающе жестоким кровопролитием, отправил на тот свет десяток или более человек из ближайшего окружения правителя. Не ограничившись и так существенным уроном, преступник добавил к нему еще и оскорбление: успешно ускользнув от преследователей и избежав поимки, он ухитрился выйти в море и тем самым избежать правосудия. Тогда, как и сейчас, сам проступок был достаточно серьезным. Однако дело становилось еще более прискорбным только из-за того, что конкретно указывалось на то, что виновный был из *куньлуньцев*, этот термин крайне важен для наших целей, поскольку это первое задокументированное в Китае обозначение человека, по китайским стандартам совершенно не похожего на самих китайцев — то есть такого, который расценивался китайцами в досовременную эпоху как обладающий признаками, характерными для этнических чернокожих [Там же]⁵.

В первой главе мы вновь обратимся к насильственной смерти Лу Юаньжуя и намного подробнее, чем сейчас, рассмотрим все выводы, которые можно сделать из того, как именно он умер. Причина того, что мы уделим внимание этому происшествию в самом начале, кроется в том, что оно идеально подходит для отправной точки для *всех* наших дальнейших рассуждений о том, как в Китае в досовременную эпоху относились к своим чернокожим. Хотя нам крайне легко предать забвению Лу как человека,

⁴ См. также [Синь Тан шу 1976: 116.4223].

⁵ Как и многие китайские термины, которые стали применяться для наименования народов иностранного происхождения, *куньлунь* изначально было названием места, или топонимом. См. разбор этого феномена переноса в первой главе этой книги.

мы убедимся, что с обстоятельствами его смерти так поступать *не* следует, и они все в совокупности послужат нам компасом и зададут направление к самым главным вопросам, которые будут заботить нас больше всего. Действительно, сам факт, что он умер от руки какого-то *куньлуньца*, подталкивает нас к тому, чтобы быстрее погрузиться в разбор различных, но тесно переплетающихся тем, которые и являются основным предметом рассуждений остальной части этой книги. Итак, важность записи об убийстве Лу Юаньжуя заключается преимущественно в том, что она является самым ранним и наименее спорным письменным историческим источником, имеющимся в нашем распоряжении, где говорится о скрытых противоречиях и отдельных проявлениях явной враждебности, возникших к IX веку, а возможно и раньше, которые позже стали неотъемлемой чертой в отношениях между китайцами и *куньлуньцами*.

То, что произошло с Лу Юаньжуем, имеет крайнюю для нас ценность на этом этапе еще и потому, что порождает основополагающие вопросы. Далеко не последний по важности и один из самых ожидаемых вопросов, который мы зададим, это *кто* же такие *куньлуньцы* и, поскольку они оказались столь же реальны, как и торговцы, периодически приплывавшие с товарами в Гуанчжоу и однажды снискавшие себе дурную славу, лишив жизни Лу Юаньжуя и немалое число его приспешников, *откуда* они появились? Мы обнаружим, что, как и сейчас, ответ на каждый вопрос замыкается сам на себя, поскольку мы узнаём, что столетиями китайцы досовременной эпохи применяли наименование *куньлуньцы* к целому множеству народов, большинство из которых по нашим современным стандартам должны были бы представлять для них совершенно различные национальности и этнические сообщества. Более того, как ни странно, мы столкнемся с тем, как этот ряд народов, к которому применялось обозначение *куньлуньцы*, на деле продолжал расширяться соразмерно тому, как увеличивались знания китайцев об окружающем мире. Расширение географических горизонтов, сначала на юг, но позже и в западном направлении, участвовавшие столкновения с народами, с которыми ранее не приходилось встречаться,

привели к разрастанию, а не к сокращению числа тех, кто попадал в категорию *куньлуньцев*. Мы увидим, что все более сложные вопросы, возникающие после таких находок, как эта, вносят неопределимый вклад в поразительно захватывающий характер нашего исследования.

К моменту убийства Лу Юаньжуя китайцы уже где-то в течение половины тысячелетия все чаще и чаще сталкивались с народами, которых они обозначали в качестве *куньлуньцев*. Однако, даже если контакты с ними и поддерживались, что логически следует из того, что Гуанчжоу служил портом, куда они заходили, нам не следует полагать, что за прошедшие столетия отношения обязательно приводили к более тесному и успешному сотрудничеству. Близкое знакомство необязательно подразумевает неуважительное отношение, но также нет достаточных оснований считать, что мнение китайцев эпохи Тан о народах, которые они иногда без разбора называли *куньлуньцами*, сильно выросло со времени их первого столкновения с ними в первые века нашей эры. Несмотря на то что эпоха Тан славится своим космополитизмом, на ней в значительной мере сказывались предыдущие столетия, когда ни о каком плюрализме и подумать было нельзя. Точно так же, как мы сейчас задумываемся о том, существует ли жизнь в привычном для нас виде на других планетах, китайцы первых веков нашей эры, как и любые другие древние народы, часто отрезанные от всего мира и только случайно и почти чудом сталкивавшиеся с другими, географически удаленными от них, несомненно, размышляли об относительных сходствах и различиях между ними и немногими иноземными народами, с которыми им доводилось встречаться. Часто даже оспаривалась сама принадлежность чужеземцев к человеческому роду, поскольку в этом не было полной уверенности.

Нельзя не признать, что рассматриваемая тема несколько экзотична даже для других профессиональных китаистов. Однако подход, принятый в данной книге, сугубо приземленный. Как следствие, здесь нет впечатляющих истолкований необозримой истории межкультурных человеческих взаимодействий — как я уже говорил, я просто попытался найти ответы на круг прово-

кационных вопросов, но круг этот строго очерчен. Основным из представляющих для нас интерес вопросов, насколько это можно установить, как раз и является вопрос о том, *когда* отдельные представители китайской национальности в результате контактов, происходивших в виде непосредственных наблюдений или взаимодействия, впервые увидели, а значит, и узнали людей, которых они, как и мы сейчас, посчитали *черными*? Другими словами, *когда* именно народы африканского происхождения или их потомки впервые появились в сознании китайского народа? В результате какого исторического события или ряда событий китайцы впервые получили ощутимые свидетельства существования черных людей, и *как* эти свидетельства были получены и осмыслены?

Эта задача — выяснить, *как* или при каких обстоятельствах китайцы впервые узнали о чернокожих — столь же трудна и интересна, как и установить, *когда* это произошло. К тому же есть все причины полагать, что обоснованные ответы на первый вопрос получить было бы намного полезнее, чем какой-либо ответ на второй. Любой более-менее содержательный ответ на вопрос о том, *как* появилось такое осознание, без сомнения, вносит существенно более значимый вклад в историю межкультурного взаимодействия в древности, чем простой ответ на вопрос *когда*. Такие взгляды и подтолкнули меня к тому, чтобы приступить к написанию этой книги.

Однако если мы окажемся в состоянии установить, *как*, а также *когда* зародилась у китайцев осведомленность о народах, которые они воспринимали как черных, то неизбежно выйдем далеко за рамки удовлетворения личных стремлений к расширению собственного кругозора в интересующей нас сфере, поскольку все это может вылиться исключительно в повествование с широким и увлекательным историческим значением. Просто рассказывая историю о первом личном контакте китайцев и черных, мы неизбежно прольем свет, пусть даже частично и неполно, на все аналогичные истории встреч между представителями двух значительно отличающихся друг от друга в культурном плане народов — народов, которые ранее, по подтвержденным данным,

не вступали друг с другом во взаимодействие. То есть эта история окажется также поучительна с исторической точки зрения, поскольку обогатит наше общее понимание механизмов, которые участвуют в первых случаях взаимодействия между ранее не сталкивавшимися культурами на всех предыдущих и последующих этапах мировой истории.

В приведенной здесь версии рассказа о самом раннем установленном контакте между китайцами и чернокожими людьми присутствуют все эти возможности. Однако я убежден, что одно только предположение о том, что этот «рассказ» претендует на полноту изложения, ведет к искажению картины. Как здесь говорится, невзирая на из ряда вон выходящее убийство Лу Юань-жуя, никогда не было никакого переломного момента во взаимодействиях между китайцами и черными. Наоборот, мы сталкиваемся с длинной чередой выдающихся событий, разделенных на группы, неравномерно и прерывисто распределенных по досовременному периоду истории; таким образом, излагаемый рассказ — назовем его *сагой*, за отсутствием лучшего термина, — действительно является отдельным эпизодом. К началу XVI века нашей эры нечастые отношения между китайцами и чернокожими поддерживались уже более тысячелетия, еще до того, как установились прямые и постоянные контакты между китайцами и европейцами. Нас не должно удивлять, что эти случайные встречи описывались и оценивались во всем диапазоне человеческих эмоций, переходя — в разные времена по-разному — от благоговейного уважения к безразличию или отвращению.

Прежде чем приступить вплотную к нашей теме, нам следует учесть, что у саги о взаимодействии китайцев и черных в досовременный период существуют три других значимых плана, которые нам не повредит постоянно держать в уме. Неважно, подходим ли мы к этому рассказу как профессиональные историки или как обычные люди, эти соображения окажут нам неоценимую помощь, выполняя роль своего рода предупреждающих маячков. Если не обращать внимания на путеводный свет, который все время отбрасывают эти маяки, вероятность заблудиться крайне возрастает или даже становится неизбежной.

Во-первых, необходимо помнить о том, что за всю историю контактов китайцев и чернокожих на протяжении досовременного периода практически без каких-либо исключений, которые на данный момент можно установить, их общественное положение и роли, с которыми они вступали в контакт, оставались постоянными и неизменными. Из этого не следует, что общественные отношения *внутри* каждой из двух групп нужно истолковывать как статичные и неизменные. Независимо от собственного социального положения, китаец того времени, несомненно, наделял бы *куньлуньского* посланника при императорском дворе, неважно, случалось ли это в действительности, намного более высоким статусом, чем *куньлуньского* купца или обычного *куньлуньского* раба, хотя бы даже только относительно. Тем не менее, исходя из имеющихся у нас документов, эти общественные отношения, безусловно, были постоянной величиной в том смысле, что они никогда не изменялись на противоположные между этими двумя группами. Иначе говоря, китайцы всегда были более сильной в общественном отношении стороной, обладая возможностью, как принято говорить, «диктовать свои условия» во всех взаимодействиях с чернокожими. Во всех случаях взаимодействия внутри страны, данные о которых есть в нашем распоряжении, даже после того как они стали происходить при помощи арабов, преуспевших в работоторговле с африканцами, начиная приблизительно с IX века нашей эры мы видим, что китайцы вступали в контакты с чернокожими, как правило, с целью сделать из них рабов, чем и руководствовались, налаживая эти связи, что часто наносило вред, приводило к закабалению и ухудшению положения чернокожих. Никакие исторические данные не указывают на то, что отношение и общение с представителями этих различных по культуре народов когда-либо происходило на равных, поэтому нельзя потворствовать такого рода оторванным от реальности рассуждениям и допускать, что подобное имело место.

Во-вторых, подвергая рассмотрению каждую из сторон китайско-*куньлуньских* отношений, надо постоянно иметь в виду односторонний характер всей совокупности записей об этих контактах. Однонаправленностью своего повествования рассказ

о самых ранних представлениях китайцев о чернокожих, с которыми они сталкивались, как мы узнаём, приблизительно соответствует, например, взглядам населения континентальной Европы эпохи Возрождения или, если сузить рамки, взглядам англичан во времена Тюдоров (1500–1603) и Стюартов (1603–1714) на зарождающиеся и растущие рядом с ними сообщества выходцев из Африки и Восточной Индии, а впоследствии и афроамериканцев [Black Africans 2005; Habib 2008]. Однако, даже принимая во внимание эту единственную параллель во многом односторонних расистских дискурсов, очевидную в обоих сравниваемых случаях, мы вынуждены прийти к заключению, что расхождения между ситуацией в континентальной Европе в XIV и XV веках и в Британии в XVI и XVII веках и ситуацией в Китае с VII до XII веков многочисленнее и разительнее, чем сходства. Средневековых китайских записей ничтожно мало, они имеют намного менее целостный и всесторонний характер по сравнению с аналогичными в Европе эпохи Возрождения или, особенно, в Британии в начале периода Нового времени⁶. Кроме того, если способность колонизаторов читать и писать на родном языке или, в частности, на английском языке, со временем становилась все более значимой характерной чертой для черного населения континентальной Европы или Британии, то в Китае такого не было никогда.

В самом деле, полное отсутствие какого-либо рода письменности среди черных *африканцев*, с которыми сталкивались китайцы на протяжении этого начального периода налаживания контактов, и наличие процветающей и постоянно и широко использующейся на протяжении веков письменной традиции среди китайцев того времени само собой привели к тому, что вся документация о взаимодействии велась полностью одной из контактирующих сторон — то есть китайской. Как сами чернокожие досовременного периода никогда не считались среди китайцев равными себе

⁶ Например, Хабиб в своем исследовании ситуации в Британии в начале периода Нового времени приводит и классифицирует 448 отдельных записей, свидетельствующих о присутствии чернокожих. См. [Habib 2008: 13–14].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru